

УДК 81-119

Мур И.Ю.

Вулвергемптонский университет (Великобритания)

**РАЗЛИЧИЯ В ПОНИМАНИИ КОНЦЕПЦИИ ТЕРМИНА
«ПСИХОЛИНГВИСТИКА» В РУССКОЙ И АНГЛОЯЗЫЧНОЙ
ЛИТЕРАТУРЕ И ПОЛОЖЕНИЕ ЛИНГВИСТИЧЕСКОЙ ЭТНОГРАФИИ
В ОБЛАСТИ БРИТАНСКИХ ПСИХОЛИНГВИСТИЧЕСКИХ
ИССЛЕДОВАНИЙ**

I. Moore

University of Wolverhampton, United Kingdom

**DIFFERENCES IN THE DEFINITION OF THE CONCEPT
OF "PSYCHOLINGUISTICS" IN RUSSIAN AND ENGLISH RESEARCH
LITERATURE AND THE POSITION OF LINGUISTIC ETHNOGRAPHY
IN BRITISH PSYCHOLINGUISTIC RESEARCH**

Аннотация. Целью данной статьи является определение расхождений в интерпретации значения термина «психолингвистика» в российской и западной (британской, в частности) традиции. Оно не полностью идентично со значением его английского эквивалента «psycholinguistics». По сравнению с российской, западная концепция является довольно узкой и не охватывает паралингвистические или социо- и национально-культурные аспекты языкового поведения. Однако это не означает, что исследовательские работы в области изучения языка в его отношении к культуре, взаимодействию языковых, этнопсихологических и этнокультурных факторов на Западе не ведутся. С конца 80-х гг. XX в. в Великобритании начинают появляться работы, принадлежащие к лингвистической этнографии. Данная статья ставит своей целью установить её место в области британских психолингвистических исследований.

Ключевые слова: психолингвистика, этнопсихолингвистика, лингвистическая этнография, Британский форум лингвистической этнографии, новый ракурс изучения грамотности, интеракциональная социолингвистика.

Abstract. The purpose of this article is to reveal differences in the interpretation of the concept of "psycholinguistics" in Russian and Western (British in particular) research tradition. Although the same term is used by all researchers, its meaning in Russian and English literature is not identical. The English concept of the term is comparatively narrow and does not include paralinguistic or socio- and ethno-cultural aspects of language behaviour. However, this does not mean that Western researchers do not investigate the relationship between language and culture, between linguistic and ethno-psychological and ethnocultural factors. At the end of the 1980's a number of British researchers started to classify their work as belonging to "linguistic ethnography". The article attempts to establish the position of this new discipline in the body of British psycholinguistic research.

Key words: psycholinguistics, ethnopsycholinguistics, linguistic ethnography, UK Linguistic Ethnography Forum, New Literacy Studies, interactional sociolinguistics.

В 1957 г. О. Ахмановой было опубликовано сокращённое издание американского сборника «Psycholinguistics», вышедшее на русском языке под названием «О психолингвистике» [4]. Данная работа явилась первой возможностью ознакомления советских лингвистов с зарубежной психолингвистической теорией. Однако более глубокий интерес к проблемам психолингвистики был вызван несколько позже работами Н. Хомского, многие из которых были также опубликованы на русском языке. Начиная со второй половины 60-х гг. термин «психолингвистика» широко используется в советской исследовательской литературе, однако, следует отметить, что его значение не является абсолютно идентичным по значению с его английским

© Мур И.Ю., 2012.

эквивалентом «psycholinguistics». Как пишет Я. Пруча в работе «Советская психолингвистика», «термин «психолингвистика» в узком значении используется для определения науки о языковом поведении, занимающейся изучением связей между системой языка и лингвистической компетенцией (именно так он зачастую понимается в западной исследовательской литературе)» [22, 6]. Далее автор отмечает, что такая концепция психолингвистики является слишком узкой и не охватывает паралингвистические или социо- и национально-культурные аспекты языкового поведения. Именно они и расширяют понимание концепции термина «психолингвистика» в работах советских и российских исследователей.

Одним из подтверждений вышеприведённой точки зрения является тот факт, что в советской исследовательской и дидактической литературе с 70-х гг. начинает широко применяться термин «этнопсихолингвистика». Даже краткий обзор современных учебных пособий по психолингвистике показывает, что этнопсихолингвистика является установившейся областью исследований в российской психолингвистике. Приведём в подтверждение несколько определений из последних изданий для студентов.

1. «Что такое этнопсихолингвистика? Это область психолингвистики, изучающая национально-культурную вариативность в: а) речевых операциях, речевых действиях и целостных актах речевой деятельности; б) языковом сознании, т. е. когнитивном использовании языка и функционально эквивалентных ему знаковых систем; в) организации (внешней и внутренней) процессов речевого общения» [3, 192].

2. «Ядром предметной области, которое надлежит исследовать в рамках этнопсихолингвистики, является идеологическая семантика (семантика генеза и взаимосвязей значений), надстраиваемая над технической семантикой» [6, 123].

3. «Этнопсихолингвистика – область психолингвистики, изучающая национально-культурную вариативность речевых опе-

раций, действий, целостных речевых актов; особенности языкового сознания коммуникантов; организацию процессов речевого общения» [5, 96].

4. «Специальная область психолингвистических исследований, сосредоточенных на выявлении конкретно-языковой и национально-культурной вариативности языковой способности и речевой деятельности человека, носит название этнопсихолингвистика» [2, 42].

Обратимся теперь к западной литературе. Является ли этнопсихолингвистика областью исследований в западной психолингвистике? Общий обзор основных американских и британских учебных пособий, монографий и сборников по предмету приводит нас к отрицательному выводу:

1. Так, например, просматривая оглавление монументального сборника «Handbook of psycholinguistics», вышедшего в Америке в 1994 г. и переизданного дополненного издания 2006 г., мы не встретим ни одного упоминания об этнопсихолингвистике. В ревью сборника, данном на сайте академического издательства *Elsevier*, отмечается, что «сборник является незаменимым источником информации для учёных, преподавателей и студентов в области последних достижений психолингвистики, таких как восприятие языка, чтение, нейропсихология языка, развитие языковых способностей и компьютерное моделирование языка» [15, 1].

2. Видный американский исследователь Д. Кэррол даёт следующее определение: «Психолингвистика – это наука, занимающаяся изучением того, как человек воспринимает, производит и приобретает язык. Психолингвистика является частью обширной области когнитивных наук, отражающих достижения психологии, лингвистики и, в меньшей степени, нейроисследований и философии» [13, 3].

3. Ведущий британский психолингвист Дж. Алтманн пишет: «Целью психолингвистики является определение ментальных процессов, задействованных в приобретении, производстве и понимании языка» [8, 1].

4. В широко используемом в вузах Великобритании пособии для студентов даётся следующее определение: «Психолингвистика занимается исследованием связи между сознанием человека и языком. Она изучает пользователя языком как индивидуальность, а не как представителя общества, но как индивидуальность, лингвистическая компетентность которой обусловлена сильными и слабыми сторонами ментального аппарата, свойства которой являются общими для всех людей. Психолингвистические исследования можно разделить на шесть основных областей: переработка языковой информации, её сохранение и доступ к ней, потеря понимания языка, язык и мозг, нарушения языковой деятельности, приобретение родного языка» [16, 2].

5. И, наконец, обратимся к международному сборнику «Twenty-first Century Psycholinguistics», изданному в 2005 г. и созданному на основе четырёх семинаров, проведённых в 2003 г. в Нидерландах, Институтом психолингвистики имени Макса Планка – единственным в мире исследовательским институтом, занимающимся исследованиями исключительно в области психолингвистики. Тематика основных разделов сборника такова: «1) психология и лингвистика, 2) биология и поведение, 3) порождение и понимание речи, 4) модель и эксперимент» [14, 1].

Наш краткий обзор основных работ последних лет позволяет сделать вывод, что этнопсихолингвистика как часть психолингвистики – явление исключительно русское и не включается в основные области исследований западной психолингвистики.

Однако это не означает, что исследовательские работы в области изучения языка в его отношении к культуре, взаимодействию языковых, этнопсихологических и этнокультурных факторов на Западе не ведутся.

С конца 80-х гг. прошлого века в Великобритании всё чаще стали появляться работы, авторы которых классифицируют свои исследования как принадлежащие к «лингвистической этнографии». То, что они не являются областью психолингвистики, видимо, объясняется тем, что исследования данного

характера в основном велись американскими учёными, традиционно работающими в таких областях, как социолингвистика и антрополингвистика, начало которой положил ещё в XX в. В. Фон Гумбольдт. Именно он впервые и сформулировал положение о взаимосвязи характера языка и характера народа. Его идеи были продолжены такими лингвистами конца XIX – начала XX в., как Д. Пауэлл, Ф. Боас, а также Э. Сепир и Б. Уорф.

Следует отметить, что терминологические расхождения и разнообразие тематики исследований в этой области отчасти объясняется тем, что совершенно чёткой классификации изучаемых проблем нет как в западной, так и в русской лингвистической исследовательской литературе. Р.М. Фрумкина пишет: «... если мы сравним те две-три книги на русском языке, которые некогда были задуманы как учебные пособия по психолингвистике, то увидим, что их авторы выбирают как центральные совершенно разные проблемы» [7, 3]. Также существует множество смежных самостоятельных направлений, в каждом из которых разрабатывается своё понимание связей между языком и культурой: социолингвистика, антрополингвистика, этнолингвистика, психолингвистика, этнопсихолингвистика и – в последние десятилетия в России – лингвокультурология. Приведём следующие цитаты, подтверждающие данную ситуацию. Г.Ю. Богданович пишет: «Лингвокультурология и этнопсихолингвистика – тесно связанные между собой науки. <...> Размежеваться двум новым областям знания пока не удаётся: их объединяет прежде всего психолингвистика, социолингвистика и, соответственно, методы исследования, связанные с этими науками» [1, 66]. Британский исследователь Дж. Финч отмечает, что двумя ответвлениями социолингвистики являются этнометодология и этнография коммуникаций. Он пишет, что последнее ответвление «занимается изучением того, как социальные и культурные факторы влияют на лингвистическое поведение» [17, 193].

Таким образом, можно сделать некоторые выводы относительно современного состоя-

ния данной дисциплины в Великобритании. С одной стороны, интерес к исследованиям культурной составляющей в языке растёт, что говорит о её перспективности. С другой стороны, её теоретико-методологическая база находится в данный момент на стадии становления. Свидетельством тому служит создание в 2000 г. Британского форума лингвистической этнографии (ФЛЭ, LEF – UK Linguistic Ethnography Forum).

Как отмечалось выше, количество работ в области лингвистической этнографии в Великобритании постоянно растёт, что ведёт к установлению и утверждению общих принципов исследований и разработке тематики научных работ в будущем. В связи с этим в декабре 2004 г. координационный комитет Британского ФЛЭ опубликовал дискуссионный доклад, в котором была сделана попытка ответить на следующие вопросы.

1. Что означает термин «лингвистическая этнография»?
2. Что представляет собой ФЛЭ и каковы его задачи?
3. Как можно охарактеризовать работы британских исследователей в данной области?
4. Каковы направления исследований на будущее?

Обратимся к содержанию доклада более подробно. Во вступительной части отмечается, что в работах британских учёных прослеживаются тесные связи с «этнографией коммуникаций» американского исследователя Д. Хаймза (1972). Однако термин «этнография коммуникаций» в настоящее время не является достаточным для общей характеристики британских исследований, поскольку он не охватывает новые достижения антропологической лингвистики и других смежных областей, оказавших влияние на направление и характер работ британских учёных с начала 80-х гг. Более того, данный термин затуманивает важные различия между лингвистикой и этнографией, которые, в свою очередь, оказывают значительное влияние на специфику методологической базы, лежащей в основе работ в области лингвистической этнографии.

Одним из основных и общепринятых в исследованиях в области лингвистической этнографии является положение о том, что язык и социальный мир находятся в тесной взаимосвязи и что детальный анализ так называемого «ситуативного языка» может дать глобальную и в то же время чёткую картину динамики механизмов, действующих в создании социокультурных особенностей повседневного общения. Однако комбинирование порой различных исследовательских методов обеих дисциплин приводит к трудностям в определении теоретико-методологической базы лингвистической этнографии.

В первой части дискуссионного доклада ФЛЭ обсуждается вопрос связей между лингвистикой и этнографией. Авторы пишут, что «этнография и лингвистика отличаются прежде всего тем, в какой мере может быть кодифицирован предмет их исследований, а также тем, что формулировка правил в области этнографических исследований считается более проблематичным вопросом, чем в области лингвистических исследований» [24, 3].

Далее авторы доклада отмечают, что противоречия между лингвистикой и этнографией по-разному отражаются в исследовательских проектах в области языка и культуры. Тем не менее эти противоречия являются подтверждением более широкого философского сдвига, который часто характеризуется как лингвистический или дискурсивный поворот в гуманитарных и общественных науках. Данный сдвиг, оказавший сильное влияние на исследования конца XX в., зачастую называют *постструктурализмом* и связывают с именами таких учёных, как М. Бахтин, В. Волошинов, П. Бордью и М. Фукалт [Bakhtin M. 1981, 1986; Voloshinov V. 1973; Bourdieu P. 1977, 1991; Foucault M. 1970, 1971, 1977]. Сторонники постструктурализма подвергают критике «обобщающие» описания и тип объективизма, встречающиеся, например, в структурной лингвистике, и призывают исследователей быть более осторожными в оценке своих интеллектуальных заключений и общественно-исторических позиций.

Вторая часть доклада посвящена особенностям британской лингвистической этнографии, её связям с другими академическими дисциплинами и их взаимному влиянию. Авторы пишут, что, несмотря на тот факт, что британские антропологи время от времени проявляли большой интерес к языку, исследовательско-академические межпредметные связи между антропологией и лингвистикой в Великобритании значительно слабее, чем в США. Число лингвистов-антропологов, работающих в отделениях антропологии британских университетов, сравнительно невелико, к тому же практически все влиятельные дискуссии, посвящённые вопросам языка, культуры и общества, проводились вне рамок британских антропологических конференций. Интересно заметить, что с конца 80-х гг. дискуссии такого плана проводятся в рамках конференций и семинаров, организованных Британской ассоциацией прикладной лингвистики (BAAL – the British Association of Applied Linguistics). Именно на этих конференциях, традиционно считающихся “местом встречи” различных исследовательских направлений, многие учёные стали применять термин «лингвистическая этнография» по отношению к своим работам, тем самым укрепляя диалог между данными дисциплинами. Эти связи получили формальное признание в результате создания ФЛЭ как секции особых интересов при BAAL [24, 8 -10].

Несмотря на довольно большое количество различных исследовательских традиций, которые могут считаться основой работ многих учёных, по мнению авторов доклада, можно выделить около пяти основных исторически важных: 1) новый ракурс изучения грамотности; 2) интеракциональная социолингвистика; 3) интерпретивная прикладная лингвистика в преподавании языков; 4) критический анализ дискурса; 5) исследования языка и когнитивного развития в традициях Л. Выготского.

Однако дискуссионный доклад ФЛЭ острояет особое внимание на двух наиболее влиятельных традициях / школах, считая, что связи лингвистической этнографии с пер-

выми двумя направлениями являются более тесными, тогда как в случае трёх последних они опосредованы некоторыми точками пересечения. Первая из них известна под названием **новый ракурс изучения грамотности** (New Literacy Studies или NLS) и в Великобритании связана с именем Б. Стрита. Её центр находится в Ланкастерском университете. В своих работах середины 80-х – начала 90-х гг. Б. Стрит утверждает важность этнографии в понимании того, как использование грамотности людьми приобретает особое значение и силу в зависимости от её значения и положения в устоявшихся общественных традициях. Он также подвергает критике доминирующую западную модель грамотности как нейтрального набора умений и навыков, обнажая способы, которыми данная всепринятая «автономная» модель продвигала определённые идеологические установки в области образования внутри страны, и разрабатывая образовательные проекты за рубежом. Заменяя деконтекстуализированные и индивидуалистические психологические концепции чтения и письма этнографическими описаниями грамотности в социальном и культурном контексте и затем помещая их в “идеологические рамки”, выявляющие власть наряду с культурой, Б. Стрит и NLS сыграли важную роль в создании постструктуралистического “поворота” в прикладной лингвистике. Именно под его влиянием произошёл значительный сдвиг интереса от исследований «текста как продукта» к «тексту в культуре как процессу» [27, 23].

Второй традицией является **интеракциональная социолингвистика**, первоначально зародившаяся в Америке и укоренившаяся в Великобритании в конце 70-х гг. в результате сотрудничества с Промышленным языковым центром в Лондоне, занимающимся изучением проблем, связанных с этничностью, языком и неравенством на рабочем месте. С течением времени круг проблем исследовательских работ центра расширился. Так, например, в конце 80-х гг. вышел ряд работ, посвящённых вопросу культурно-политически обусловленного развития второго языка [25].

В начале 90-х гг. фокусом исследовательской деятельности стало изучение проблем межкультурной коммуникации [26]. К середине 90-х гг. к работам по изучению динамики и этничности в речи добавились исследования, посвящённые таким вопросам, как взаимное заимствование кодовых систем сосуществующих в обществе языков [21; 23].

В заключение можно сказать, что исследования в современной британской лингвистической этнографии основываются на ряде направлений, в которых этнография играет различную роль. Связи лингвистической этнографии с первыми двумя направлениями являются более тесными, тогда как в случае трёх последних они, скорее, опосредованы. Однако все пять направлений имеют одну общую черту – практическую направленность и применимость их исследований. Именно поэтому между ними установилась традиция постоянно поддерживаемого диалога, ведущая к размыванию чётких границ между данными направлениями, к синтезу и взаимному обмену идеями. Все эти направления предметом своих исследований видят язык, а не культуру. Данный факт подтверждается и тем, что организация, давшая начало диалогу между учёными разных направлений в 90-е гг., носит название Ассоциации прикладной лингвистики, а не антропологии, и только некоторые из участников этих дискуссий имели экспертизу в области классической антропологической этнографии или моделей культуры. Таким образом, британские исследователи обратились к этнографии с позиций анализа языка, работая над такими проблемами, как грамотность, дискурс и ряд других.

Итак, проведенный анализ позволяет сделать следующие выводы.

1. Этнопсихолингвистика как часть психолингвистики – явление исключительно русское и не включается в основные области исследований западной психолингвистики, в том числе британской.

2. Лингвистическая этнография является новой отраслью британских исследований, посвященных культурной составляющей в языке. Активно ведущиеся дискуссии о её за-

дачах, предметах и целях на будущее говорят о её перспективности, но, с другой стороны, её теоретико-методологическая база находится на стадии становления.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Богданович Г.Ю. О некоторых терминах современной лингвокультурологии [Электронный ресурс] // Лингвокультурологічний аспект мовної діяльності: електронний журнал: [сайт]. [2004]. № 3. URL: <http://www.nbuv.gov.ua/articles/KultNar/53/pdf> (дата обращения: 10.12.2010).
2. Глухов В.П. Основы психолингвистики: Учебное пособие для педвузов. М.: Астрель, 2005. 351 с.
3. Леонтьев А.А. Основы психолингвистики: Учебник для высших учебных заведений. 4-е изд., испр. М.: Смысл, 2005. 287 с.
4. О психолингвистике: материалы к курсам языкознания / О.С. Ахманова и др.; Отв. ред. В.А. Звегинцев. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1957. 66 с.
5. Психолингвистика: Учебник для вузов / И.В. Королёва и др.; Отв. ред. Т.Н. Ушакова. М.: ПЕР СЭ, 2006. 416 с.
6. Сорокин Ю.А. Введение в этнопсихолингвистику: Учебное пособие для высших учебных заведений. Ульяновск: Ульяновский гос. ун-т., 1998. 316 с.
7. Фрумкина Р.М. Психолингвистика: Учебное пособие для высших учебных заведений. 2-е изд., испр. М.: Академия, 2006. 315 с.
8. Altman G.T.M. History of psycholinguistics / In K. Brown (ed). The Encyclopedia of Language and Linguistics (2nd edition). Oxford: Elsevier Ltd., 2006. P. 257-265.
9. Bakhtin M. The Dialogic Imagination. Minneapolis: UMP, 1981. 238 p.
10. Bakhtin M. Speech Genres and other late Essays. Austin: UAP, 1986. 317 p.
11. Bordieu P. Language and Symbolic Power. Oxford: Polity, 1991. 173 p.
12. Bordieu P. Outline of a Theory of Practice. Cambridge: CUP, 1977. 291 p.
13. Carroll D.W. Psychology of Language. Wadsworth, USA, 2004. 480 p.
14. Cutler A. Twenty-First Century Psycholinguistics. London: Four Cornerstones, 2005. 412 p.
15. Elsevier Publishing House [Электронный ресурс] // [сайт]. [2010]. URL: <http://www.elsevier.com> (дата обращения 12.03.2011).
16. Field J. Language and the Mind. Oxford U.K.: Routledge, 2006. 147 p.
17. Finch G. Key Concepts in Language and Linguistics. Palgrave Macmillan, UK, 2005. 249 p.

18. Foucault M. Discipline and Punish. Harmondsworth: Penguin, 1977. 229 p.
19. Foucault M. Orders of Discourse // Social Science Information, 1971. Vol. 10. № 2. P. 7-30.
20. Foucault M. The Order of Things. London: Tavistock, 1970. 266 p.
21. Martin-Jones M. Code-switching in the classroom: Two decades of research. In Milroy L., Muysken P. (Eds). One Speaker, Two Languages. Cambridge: CUP, 1995. P. 90-111.
22. Prucha J. Soviet Psycholinguistics. The Hague: Mouton, 1972. 117 p.
23. Rampton B. Crossing: Language and Ethnicity among Adolescents. London: Longman, 1995. 300 p.
24. Rampton B., Trusting K., Maybin J., Barwell R., Cries A., Lytra V., U.K. Linguistic Ethnography: Discussion Paper [Электронный ресурс] // [сайт]. [2004]. URL: <http://www.ling-ethnog.org.uk> (дата обращения 31.08.2011).
25. Roberts C., Simonot M. 'This is my life': How language acquisition is interactionally accomplished. In Ellis R. (Ed). Second Language Acquisition in Context. New Jersey: Prentice-Hall, 1987. 226 p.
26. Roberts C., Davies E., Jupp T. Language and Discrimination. London: Longman, 1992. 651 p.
27. Street B. Culture as a verb: Anthropological aspects of language and cultural process / In Graddol D., Thompson L., Byram M. (Eds.). Language and Culture. Clevedon: Multilingual Matters/BAAL, 1993. P. 23-43.
28. Volosinov V. Marxism and the Philosophy of Language. Seminar Press, 1973. 423 p.